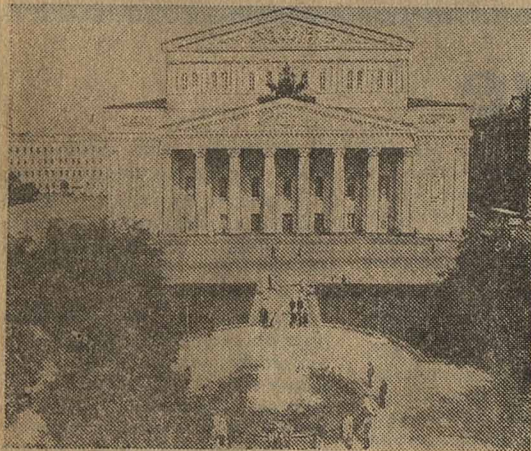

16 МАЯ 1987

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ПАМЯТЬ

В СУББОТУ в Дуйсбурге звонили колокола. Звук шел будто с низкого, забранного тучами неба. В бурой рейнской воде косые струи дождя взбухали пузырями, и казалось, именно они и лопаются с металлическим протяжным звоном.

Вдоль Рейна, словно на автострате, километровые столбы. Точнее, не столбы, а издали видные крупные цифры на стенках причалов. На долю Дуйсбурга приходится сорок таких отметин из тысячекилометрового судоходного водного пути. Вот синие цифры 775 — напротив завод Круппа. Тут же дымные трубы концернов Тиссена, Маннессмана. По числу жителей Дуйсбург занимает в ФРГ десятое место, по сталелитейной промышленности — первое. Отменные мелодичные колокола — тоже из этой стали.

Сейчас они звонили по случаю какого-то праздника, но мне в их звоне слышалось другое.

Перед тем как выйти на улицу, я сидел в кабинете Ханса Люнебаха, директора музыкального театра — еще одной достопримечательности Дуйсбурга и Рейна. Театр так и называется — Опера на Рейне, хотя от белоколонного здания реки не увидать, как и не увидать отсюда его второй площадки, находящейся в нескольких десятках километрах — в Дюссельдорфе. Мы разговаривали с директором о предстоящих в Дуйсбурге и Дюссельдорфе спектаклях Большого театра из Москвы — последнем аккорде полугодового фестиваля музыки Дмитрия Шостаковича. Впервые за рубежом показывался его балет «Золотой век». Билеты на спектакли были давно распроданы, и вообще успех фестиваля превзошел все ожидания.

Я задал простой вопрос — без всякой задней мысли: сколько зрителей вмещает зал театра, и директор ответил, что 1.118. А потом добавил: до войны было 1.650 мест. Во время налета союзной авиации в театр попала бомба, и в послевоенной реконструкции он лишился 532 кресел. Мы продолжали говорить, а я непроизвольно в уме вычитал, умножал, делил, и самые разные факты всплывали в памяти.

О них и думал я в дождливом Дуйсбурге под мерный колокольный звон накануне балетной премьеры Большого.

Вот вам еще один неожиданный итог войны в масштабе одного театра. Считал приблизительно — за десять лет, пока театр лежал в руинах, в него не пришли около пяти миллионов зрителей, а затем (532 места умножить на 300 дней и 35 лет) — еще примерно пять с половиной миллионов человек. Вот цена одной только бомбы, умноженной на время: за 45 лет в зал театра не пришли 10 миллионов.

Почти 50 миллионов человеческих жизней унесла вторая мировая война. Это несмысленный счет и позор фашизму на все времена от имени человечества и истории. Но возникшая в моем воображении цифра десять миллионов — тоже возмездие фашизму. И это не абстрактные десять миллионов, ибо фашизм стрелял в упор во все человечество и в каждого человека в отдельности. Даже — в еще не родившихся.

Несколько лет назад в Гамбурге на антифашистской выставке среди экспонатов эпохи зарождения нацизма я увидел самую обыкновенную колясочку. В ней лежал опечатанный на машинке листок с цитатой из речи Гитлера во Дворце спорта в Берлине 30 мая 1942 года. Он хвастался, что за десятилетие рождаемость в Германии увеличилась на два с половиной миллиона человек, и добавлял при этом: «Нынешняя война не стоила нам пока и десяти процентов тех человеческих жизней, что благодаря этому прибавились у немцев». Вот для чего ему нужно было, чтобы рождались дети.

Сегодня в дуйсбургский театр одни не пришли потому, что был аншлаги и для них не оказалось мест, другие потому, что погибли на войне раньше, чем собрались в театр, и вместе с ними не пришли их неродившиеся дети. И я точно так же мог не сидеть в театре, если бы в октябре 41-го с Западной трибуны стадиона «Динамо» пулеметный трассирующий след не прошил бы самолет, который пикировал на колонну эвакуирующихся из Москвы, — это первое воспоминание о войне четырехлетнего человека.

И не звучала бы в этом дуйсбургском театре музыка Дмитрия Шостаковича, если бы бомба попала в здание консерватории, на крыше которой нес свои дежурства в колбинеzone пожарного великий композитор нашего времени.

Тогда его — 34-летнего — не называли великим. Увы, стать великим — посмертная привилегия. Живой может лишь подниматься по ступенькам судьбы, и кто может дать гарантию, что это ступень в небо? К своему величию Дмитрий Дмитриевич начал подниматься в 1941 году по прозаическим ступеням пожарной лестницы под разрывы вражеских бомб.

3 сентября 1941 года он зафиксировал в записной книжке дату окончания чистовой партитуры первой части Ленинградской симфонии. 8 сентября, когда на город было сброшено 6.327 зажигательных бомб, наметил эскизы второй части.

Через много лет, вспоминая на страницах «Советской культуры» работу над симфонией, Шостакович написал об этих сентябрьских днях: «Постепенно замысел разросся. Главное, что мне казалось важным раскрыть в музыке, — это любовь к людям, составляющим оплот культуры, цивилизации, жизни».

В МАЕ 1945 года в подполье фашистской рейхсканцелярии был найден дневник министра пропаганды Геббельса, который он вел в течение многих лет. В книге Елены Ржевской «Берлин,

май 1945» описано, как выглядели эти тетрадки с откровениями палача — абсолютно секретными, для себя, записями, ибо на каждой странице запечатлены подлые, отвратительные тайны рейха. Нельзя без содрогания погружаться в них сегодня — вся подноготная фашизма в них, как на ладони.

Но сейчас я извлекаю из этих дневников только то, что относится к музыке. Да-да, к музыке! В начале июня 1941-го Геббельс записывает, как для отвлекающего маневра он «приказал сочинить песню о вторжении, новый мотив», чтобы мир думал, что готовится нападение на Англию.

Не знал он в те дни, упоенный собой, что тема вторжения, которую он искал, станет всего лишь через несколько месяцев одной из самых великих тем мировой музыки, и будет сочиняться она не в Берлине, а под разрывами его бомб в Ленинграде. И, в частности, 10 сентября тоже, когда министр записал: «Мы и в дальнейшем не будем утруждать себя требованием капитуляции Ленинграда. Он должен быть уничтожен почти научно обоснованным методом».

Но вернемся к июню 41-го. И к музыке. «Я испытываю новые фанфары для радиопередачи. Это очень подходит к обстановке» (15.VI). «Испытывал новые фанфары. Все еще не нашел нужного» (18.VI).

«Испытывал новые фанфары. Теперь нашел нужные... Фюрер очень доволен нашими фанфарами, он приказывает еще кое-что добавить» (21.VI).

ДВЕ МУЗЫКИ ВРЕМЕН ВОЙНЫ И МИРА

«3 часа 30 минут. Загребели орудия. Господь, благослови наше оружие!.. Великое, чудесное время рождения новой империи... Прозвучала новая фанфара. Мощно, звучно, величественно. Я провозглашаю по всем германским станциям воззвание фюрера к германскому народу... Чудесное солнце поднялось высоко в небе... В саду щебечут птицы». (22.VI).

Да-да, в три часа тридцать минут 22 июня 1941 года по берлинскому времени. Вот для чего нужны были Геббельсу фанфары — для музыкального вступления, подчеркивающего важность радиопередачи. После этих фанфар Гитлер возвестил о нападении на Советский Союз.

Еще чуть-чуть о музыке. В эти июньские дни Геббельс отдал распоряжение поэтам срочно написать песню о русском походе, но песня не получилась. Тогда взялся за дело он сам, переписав тексты своих сотрудников по министерству пропаганды. «Великолепная песня!», — восхищается он сам собой, не ведая, что вооружает армию похоронным маршем.

И последнее о музыке. В конце июня с помощью фюрера Геббельс торжественно наложил запрет на всех русских композиторов. Впрочем, как и на писателей.

ЖИЗНЬ Дмитрия Шостаковича в годы войны описана со скрупулезной точностью. С. Хенстова в своем волнующем исследовании «Д. Д. Шостакович в годы Великой Отечественной войны» проследивает почти каждый день композитора. Буквально в первые часы войны он написал заявление о призыве в армию. В ответ просили подождать. Вступил в народное ополчение. Рыл окопы.

Когда начали формироваться фронтовые концертные бригады, он за три дня сделал аранжировки для консерваторского ансамбля, переложив для голоса в сопровождении скрипки и виолончели 27 романсов и песен. В рукописном отделе библиотеки Ленинградской консерватории хранятся 111 страниц переложений. И открывается список композиторов, избранных Шостаковичем, именем Людвиг ван Бетховена.

Так что просьба учесть этот исторический факт — великий немец тоже внес свой вклад в победу над безумством войны, пока писалась новая великая музыка.

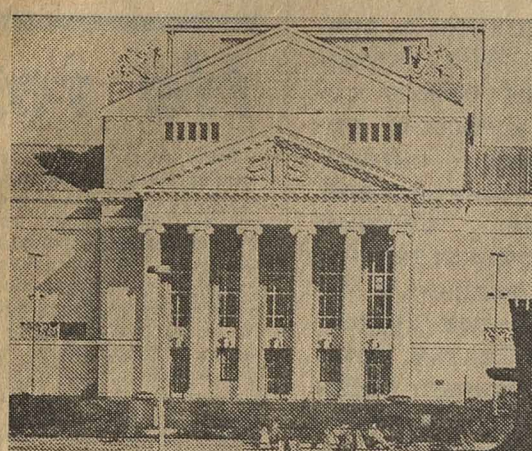
Исторический факт и то, что фашизм с его идеологией человеконенавистничества потерпел сокрушительное поражение не только на фронтах войны, но и на всех фронтах искусства, не создав буквально ничего ни в одном из жанров творчества.

«Тема вторжения» не родила ни одного художника. Отпор этому вторжению пробудил к жизни невиданные творческие силы. Как гениально творчество преобразует взгляд на мир. Одна тема нашествия в «Седьмой симфонии» Шостаковича вынесла такой приговор фашизму, который пригвоздил его к позорному столбу на века.

Триумф «Седьмой симфонии» был всепланетным. История музыки доселе не ведала такой скорости распространения и такого воздействия на умы людей.

В год сорокалетия Победы над фашизмом «Седьмая симфония» звучала на берегах Рейна. Ее исполнил оркестр Ленинградской филармонии, дирижировал Александр Лазарев. Это была кульминационная точка фестиваля музыки Шостаковича, ибо в преступлении войны нет давности срока, а приговор ей окончателен.

В ДУЙСБУРГЕ я познакомился с доктором Конрадом Шиллингом. Его фамилия и должность вытиснены на прямоугольнике металлизированного картона. «Дуйсбург — город стали», — сказал доктор, протягивая визитку. А должность его мы так и не сумели точно перевести на русский, найдя ей лишь подходящий эквивалент — начальник управления городского отдела культуры.

Он был, как и обербургомистр Дуйсбурга Йозеф Крингс, одним из главных организаторов фестиваля музыки Дмитрия Шостаковича, который прошел в 30 городах ФРГ. «В Дуйсбурге и еще в 29 городах», — внес уточнение доктор Шиллинг.

Мы разговаривали с ним о музыке, о войне, о проклятии фашизма, о стереотипах восприятия искусства. Одним из таких стереотипов К. Шиллинг назвал политизирование искусства.

Говоря об одном, мы часто вкладываем разный смысл в одни и те же понятия. Вот как говорил о политике доктор Шиллинг:

— Целью фестиваля Шостаковича было устранить предрассудки в отношении его музыки, которые нередко встречаются на Западе. Эти предрассудки можно рассматривать с двух точек зрения. Первая — развитие музыки в Западной Европе после войны. Для новых композиторов Шостакович был неинтересен своей классичностью. Они считали его музыку простой, не распознавая необыкновенной глубины его произведений, не умея вслушаться в них. А вторая точка зрения такова. Шостаковича относили к группе коммунистически партийных композиторов, подчеркивая, что он писал музыку по заданию партии. Сегодня же все признали, какое значение имеет музыка Шостаковича для всего мира. И поэтому такой восторг и такое признание получил фестиваль его произведений на Рейне.

Я не стал спорить по частностям. Чтобы знать, надо по крайней мере видеть и слышать. В Дуйсбурге захотели услышать. С этого и начинается диалог не только в политике, но и в искусстве.

— Война разрушает искусство, — сказал доктор Шиллинг.

— Но сопротивление ей созидает его, — сказал я, и собеседник согласился.

СОБСТВЕННЫЕ раны саднят горше. Поэтому помню на Рейне о позерженном бомбой театре. Но ни Шиллинг, ни Люнебах не знали, пока я им не рассказал, что фашистские бомбы не миновали и Большой театр. Летопись его военных дней мне в свое время поведал бывший комендант Большого А. Рыбин. В ночь с 7 на 8 августа 1941 года на крышу Большого угодили 17 зажигательных бомб, и некоторые пробили ее. А 28 октября того же года мощная пятисоткилограммовая «фугаска» разорвалась перед парадной колоннадой, убив и покалечив десятки прохожих, которые вышли на улицу из укрытия метро после отбоя воздушной тревоги. А вылетевший из-под облака самолет сбросил свой смертоносный груз. Взрыв повредил фасад театра, рухнул потолок в центральном фойе.

Разрушения могли бы быть страшнее, если бы бомбе не бросило вызов само Искусство. От вражеских бомбардировщиков театр был замаскирован декорациями и тюльями к опере «Князь Игорь», а в стороне на асфальте художники изобразили ложное здание театра. Оставшаяся в Москве часть труппы работала в здании филарла. Вот один факт: только за три года войны на сцене Большого 122 раза прошел балет Чайковского «Лебединое озеро». А за всю свою сорокалетнюю сценическую историю до Октября 17-го года он выдержал в Москве на 30 представлений меньше. Вот чем стали Музыка и отечественная классика в битве с фашизмом!

Там, где упала бомба, сегодня сквер и гранитный круг фонтана. И в нынешний День Победы — 9 мая — именно здесь собирались ветераны войны, чтобы почтить память погибших.

Когда я разговаривал со своими собеседниками, я не знал еще одного поразительного факта. Наступая на Москву, Гитлер стягивал к ней не только вооружение и армию. Загодя он послал к столице и эшелон из Скандинавии с темно-красным гранитом, чтобы водрузить в Москве монумент победы Германии над Советской Россией. Я читал когда-то, что из этого гранита сделали облицовку цоколя здания на улице Горького рядом с телеграфом, арку на улице Неждановой. Но не знал, что тот же темно-красный гранит и у фонтана Большого театра тоже несет в себе отблеск войны и Победы.

Мы помним войну не потому, что движимы злобой. Ее нет и не было у нас. Но есть вещи в истории народа, которые не забудутся никогда ни по тяжести страданий, ни по силе их преодоления. Музыка тоже воевала, под свист пуль и грохот разрывов вплетая свой голос в кричащую фонограмму века.

Вот о чем я думал под колокольный звон в дождливом Дуйсбурге и вспоминая об этом теперь. Увы, театры более незащищенны от бомб, чем военные заводы. И стены их рушатся едва ли не первыми. Я видел восстановленные из руин театры в Дрездене, Гамбурге, Висбадене. Во время войны они оседали от бомб и снарядов. Но мины под их фундаменты еще до того, как налетела союзническая авиация, заложило безумство фашизма. Он унизил сам себя, но сколько же жизней он унес!

Так пусть же ради и тех жизней, и будущих дружат театры.

В эти дни на Рейне поют артисты оперы Большого театра. А через несколько дней в Большом театре будут петь певцы из Оперы на Рейне. Они привезут Моцарта, Вебера, Вагнера.

В город, где долгие годы жил Шостакович. Жил на улице Неждановой, возвращаясь домой через арку из темно-красного гранита. Вряд ли думал он когда-нибудь, что она воздвигнута и благодаря его музыке. Но это так, если взглянуть на мир с высот Искусства.

Ал. АВДЕЕНКО.